

А. Зачиняев

БЫЛИНЫ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Зачиняев**
Былины / А. Зачиняев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 94 с.

ISBN 978-5-4241-5922-0

ISBN 978-5-4241-5922-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Такъ о Соловьѣ Разбойникѣ: «А ѣ вѣрно тутъ Соловешку да славы поютъ» или объ Идолицѣ поганомъ: «Тутъ ему Идолицу славу поютъ».

Приведенныя соображенія показываютъ, что исходнымъ пунктомъ въ развитіи былинь была именно лиро-эпическая величальная пѣсня.

Образцовъ подобныхъ пѣсней позднѣйшей поры въ существующихъ сборникахъ не имѣется. Но изъ пѣсней XVII вѣка можно выдѣлить нѣкоторыя, таковы: про смерть царевны Ксеніи, про Скопина-Шуйскаго и др., которыя, дѣйствительно, передаютъ не столько рассказъ о событіяхъ, сколько личное впечатлѣніе поэта-пѣвца.

Такия лиро-эпическія пѣсни складывались въ средѣ княжеской дружины, на что отчасти указываютъ нѣкоторыя лѣтописныя сообщенія.

**Начальные
слагатели
былинь.**

Въ одной лѣтописи говорится по поводу войны Андрея Боголюбскаго въ 1149 году, что дружинники «похвалу ему даша велику, зане мужьскы сотвори паче бывшихъ всихъ ту». О свидѣтельствѣ Длугоша, что дружинники Мстислава Удалого прославляли его, мы говорили выше.

Не безынтересны также и былинные указанія на то, что нѣкоторые герои былинь занимались игрою на гуслияхъ, пѣніемъ и составленіемъ былевыхъ пѣсней.

Такъ Добрыня Никитичъ, человѣкъ знатнаго происхожденія, переодѣвшись въ костюмъ профессиональнаго пѣвца-скомороха, явился на свадебный пиръ и здѣсь поразилъ всѣхъ своей игрою и пѣніемъ.

Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣломъ игры не видано!

въ восторгѣ восклицали они.

Вообще Добрыня славился игрою на гуслияхъ, такъ что всѣ цари и царевичи, короли и королевичи, слушая игру его, но не узнавъ въ переодѣтомъ скоморохомъ гуслиарѣ Добрыни, говорили: молодой гусельщикокъ — ёнъ не хуже да Добрыни добра молодца.

Что же касается сюжета этих пѣсенъ, пѣтыхъ Добрыней во время пира на свадьбѣ Алеши Поповича, то оказывается, что Добрыня Никитичъ

Игрище игралъ отъ Царяграда,
Другое игралъ отъ Еросѳлима,
Третье игралъ отъ града отъ Кіева,
Отъ того ли отъ солнца Владимира...
Еще въ третью про развѣзды про Добрынюш-
кины...

Тутъ началъ онъ

Все своё-то походееньицо рассказывати.

Очевидно, что дружинники князя были не только исполнителями принятыхъ при княжескомъ дворѣ пѣсенъ, но и поэтами, создателями пѣсенъ про событія, которыхъ они были сами свидѣтелями.

**Образованіе
эпическихъ
пѣсенъ.**

Многія изъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, составленныхъ по живымъ слѣдамъ событій, очень интересныхъ для современниковъ, но часто незначительныхъ въ исторической перспективѣ, начинаютъ терять свою цѣнность въ глазахъ слѣдующаго поколѣнія пѣвцовъ, а потому и забываются. Особенной живучестью отличаются лишь тѣ изъ нихъ, которыя касаются событій, привлекающихъ вниманіе и потомства. Передаваясь изъ устъ въ уста, на протяженіи многовѣковой цѣпи преемства, лиро-эпическія пѣсни, конечно, не могли сохраняться въ первоначальномъ своемъ видѣ: многое изъ нихъ выпадало, какъ ненужное, неинтересное для новыхъ пѣвцовъ и слушателей, другое измѣнялось, иное, вызванное новыми условіями жизни, приставало.

Забвеніе коснется главнымъ образомъ лирическаго элемента, непосредственно связаннаго съ душевнымъ міромъ очевидцевъ, сошедшихъ съ жизненной арены. Для потомства, вступившаго вслѣдъ за ними въ жизнь, интересующагося уже болѣе событіями прошлаго, чѣмъ впечатлѣніями и глубокими чувствами, вызванными этими событіями у предковъ, лирической элементъ потускнѣетъ, потеряетъ свою колоритность и будетъ постепенно отмирать. Разъ лиризмъ въ лиро-эпической пѣснѣ, по мѣрѣ ея удаленія отъ вре-

мени сложенія, ослабится, то выступитъ на первый планъ разсказъ или повѣствованіе о быломъ; тогда пѣсня получаетъ характеръ эпическій.

Но на этомъ не останавливается исторія развитія пѣсни эпическаго рода.

Когда размножился княжескій родъ и образовались многіе княжескіе дворы, въ различныхъ городахъ Руси, когда увеличился классъ дружинниковъ, бояръ и богатаго сословія гостей, чаще являлась потребность въ пѣвцахъ, мастерахъ своего дѣла.

Такіе искусные люди не вездѣ могли найтись, а если гдѣ оказывались, то пріобрѣтали большую популярность среди слушателей. Поощряемые успѣхомъ, они постепенно превращались въ профессиональных пѣвцовъ, специалистовъ въ данномъ искусствѣ. Контингентъ этихъ пѣвцовъ, первоначально выдѣлившись изъ дружинниковъ, пополнялся членами другихъ сословій. Такъ образовался кругъ скомороховъ-пѣвцовъ, каликъ переходящихъ, бродившихъ по Руси и распѣвавшихъ свои пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ они прославляли хозяина, радушно принимавшаго ихъ, а также воспѣвали занимательные подвиги тѣхъ или другихъ героев.

Жизнь нашихъ предковъ, стоявшихъ сравнительно на низкой ступени культуры, не отличалась большою сложностью и разнообразіемъ. При такихъ условіяхъ и мотивахъ для пѣсни было не много: битва съ врагами, единоборство или какое-нибудь состязаніе, сватовство, смерть и т. п. — вотъ кругъ событій, такъ или иначе выливавшихся въ пѣснѣ. Представьте себѣ, что создана пѣсня по поводу, напр., отраженія какихъ-нибудь кочевниковъ. При повтореніи подобнаго факта, при другихъ набѣгахъ тѣхъ же или иныхъ кочевниковъ, творится новая пѣсня съ аналогичнымъ сюжетомъ. Такимъ образомъ въ теченіи того или другого промежутка времени появлялся рядъ пѣсней, другъ къ другу близкихъ по содержанію.

Но такія пѣсни созидались и во многихъ другихъ мѣстахъ, при дворахъ князей, разсѣявшихся по разнымъ городамъ старой Руси, у богатыхъ бояръ и гостей. При постоянныхъ переходахъ отъ одного двора къ другому увлекались кали-

Скоморохи-слагатели былинъ.

Образованіе эпическихъ типовъ.

ками и мѣстныя пѣсни и преданія. Отрываясь отъ своихъ географическихъ мѣстъ, они приплетались къ пѣснямъ данныхъ каликъ и, передаваясь изустно другимъ, вливались въ общій скоморошій репертуаръ. Здѣсь эти пѣсни, встрѣчаясь съ аналогичными произведеніями, уже порывали ясную связь съ исторической своей канвой и приобрѣтали новыя прикрѣпленія.

Это объясняется тѣмъ, что при устной передачѣ пѣсенъ всегда была возможность смѣшенія ихъ; при чемъ подробности одной пѣсни переносились въ другую, вытѣсняя отсюда нѣкоторые элементы, оказавшіеся лишними.

Такимъ путемъ постепенно сглаживались индивидуальныя особенности событій, мѣстностей и лицъ, о которыхъ пѣла пѣсня, но зато рельефнѣе выступало то, что подчеркивалось частыми повтореніями. Допустимъ, напр., лицо А въ одной пѣснѣ обрисовано чертами: *a, б, в, г, д, у*, въ другой лицо Б— *a, в, з, г, ж*; въ третьей В— *a, м, н, в, п, г, с* и т. д. Несомнѣнно, что въ представленіи народнаго пѣвца-поэта всѣ эти лица сольются въ одно, характеризуемое тѣми чертами *a, в, г*, которыя всякій разъ повторяются. Такъ частное переливается въ общее, давая начало типамъ эпическихъ героевъ.

Въ этомъ процессѣ послѣдовательнаго смѣшенія индивидуальныхъ образовъ въ типы, элементы историческіе и географическіе передвигались народно-пѣсеннымъ творчествомъ со своихъ мѣстъ и перепутывались.

Въ результатъ этого имени историческія должны были уменьшиться въ числѣ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, передавъ свои характерныя подробности и подвиги другимъ, болѣе выдающимся, мало по малу сглаживались изъ пѣсенъ и памяти народной; остались лишь крупныя имена, какъ то: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, изъ которыхъ каждый является извѣстнымъ типомъ людей или представителемъ извѣстной отрасли народной культуры. То же можно сказать и про географическія названія: если пѣсни одного рода, воспѣвавшія аналогичные подвиги, первоначально связываются съ различными мѣстностями, то въ послѣдующее время своего существованія постепенно осѣ-

даютъ около имени, наиболѣе популярнаго въ поэзи. Таки́мъ образомъ вся масса былинъ оказывается прикрѣпленной главнымъ образомъ къ Киеву, Новгороду и Москвѣ.

Итакъ, народные пѣвцы, хранящіе въ своей памяти всѣ продукты народно-пѣсеннаго творчества и передающіе ихъ устно своимъ преемникамъ, обращаются съ ними довольно свободно: пѣсни, а въ другихъ случаяхъ отдѣльныя ихъ части оказываются чѣмъ-то подвижнымъ, не спаяннымъ прочно со своими географическими и историческими элементами въ одно неразрывное цѣлое. Выдающееся имя, крупный фактъ— вотъ тѣ центры, около которыхъ осѣдаютъ онѣ, отрываясь отъ своихъ историческихъ и географическихъ мѣстъ.

Подобный процессъ совершался и въ не столь отъ насъ отдаленное время. Кому не извѣстно, напр., существованіе массы анекдотовъ про Балакирева? Однако, нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ нихъ существовали гораздо ранѣе самаго появленія на свѣтъ Балакирева; нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются даже у другихъ народовъ. Ясно, что репутація Балакирева, какъ умнаго шута, была тѣмъ мотивомъ, въ силу котораго всякій остроумный рассказъ сталъ соединяться съ его именемъ.

Непосредственнымъ результатомъ такой перетасовки фактовъ явилось обиліе анахронизмовъ въ былинахъ. Такъ, Илья Муромецъ спасаетъ Владимира Красное-Солнышко отъ «Калина-Царя изъ Орды, Золотой Земли», Ермакъ Тимоеевичъ является племянникомъ того же киевскаго князя и пр.

Стягиваясь къ извѣстному имени, какъ своему центру, былины образуютъ группы или круги пѣсенъ, которые называются эпическими циклами.

У насъ развились главнымъ образомъ два цикла: Киевскій Владимировъ циклъ и Московскій Ивана Грознаго. Что же касается былинъ Новгородскихъ, то онѣ не сплотились въ одну группу, не имѣя для себя никакого опредѣленнаго центра, а стоятъ какъ то отдѣльно одна отъ другой: онѣ не имѣютъ ничего общаго между собою, развѣ только то, что содержаніемъ ихъ служить одна и та же новгородская жизнь.

Образованіе
эпическихъ
цикловъ.

**Иноземныя
отголоски
въ русскихъ
былинахъ.**

Постепенно развиваясь и осложняясь въ своемъ содержаніи, былины неминуемо должны были отражать въ себѣ и литературныя заимствованія, а также и перекрестныя вліянія различныхъ народовъ, съ которыми приходилось встрѣчаться русскимъ въ то время.

Иноземныя черты чувствуются во многихъ былинахъ: о Святогорѣ, Сампсонѣ-богатырѣ, Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Кольванѣ-богатырѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Садкѣ и др.

Въ одной, напр., былинѣ о «Сорока каликахъ со каликою», составленной подъ вліяніемъ библейской исторіи объ Иосифѣ Прекрасномъ, выходятъ калики «изъ монастыря Боголюбова къ священному граду Іерусалиму». Въ другихъ былинахъ говорится о «славномъ царствѣ индѣйскомъ», съ которымъ русскіе могли знакомиться только книжнымъ путемъ. Былинный пѣвецъ - Добрыня поетъ пѣсни «Царяграда, другія отъ Еросалима», «а всѣ малыя припѣвки за синя моря». Илья Муромецъ, идя на бой съ Идолицемъ поганымъ, «на головушку надѣлъ шляпу земли Греческой». Нерѣдко въ былинахъ говорится о такихъ птицахъ и звѣряхъ, которые не водятся въ нашемъ отечествѣ. Что касается элемента чудеснаго въ былинахъ, то значительная его часть влилась въ нашъ эпосъ изъ иноземныхъ сказаній, преданій и разсказовъ съ огненными звѣрями, съ вѣщими конями, съ живою и мертвою водою, всевозможными чудесными превращеніями и т. п.

Современными учеными въ нашемъ былевомъ эпосѣ открываются византійскіе и южно-славянскіе элементы, попавшіе къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, а частію позже, книжнымъ и другими путями. Въ русскомъ былевомъ творчествѣ отразились и различныя вліянія Запада и Востока.

**Эпическіе
пріемы.**

При извѣстнаго рода навѣкѣ въ былевомъ творчествѣ у профессиональныхъ пѣвцовъ выработались особые эпическіе пріемы, которые сохранились и у ихъ преемниковъ — нашихъ сказителей. Сюда относится прежде всего — *запѣвъ*.

Запѣвомъ называется начальная часть былины, которая не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ ея сюжету, а представляетъ нѣкотораго рода прибаутку.

Напр., нѣкоторыя былины запѣваются такъ :

Благословляй-ко, хозяинъ
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавнюю...

Или (былина объ Ильѣ Муромцѣ) :

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца...

Есть и другіе запѣвы, иногда шутливаго содержанія, иногда одушевленные глубокимъ поэтическимъ чувствомъ :

Высота ли — высота поднебесная ;
Глубина — глубина океанъ-море ;
Широко раздолье — по всей землѣ ;
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

За запѣвомъ слѣдуетъ *зачинъ*.

А все это, братцы, прибауточка.
Теперь то Добрынюшки *зачинъ* пошелъ.
Во стольнѣмъ-то городи во Кіевѣ...

Во многихъ былинахъ въ настоящее время не сохранился запѣвъ и былины открываются *зачиномъ*.

Напр. :

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяности лѣтъ...

или :

Ой далече, далече во чистомъ полѣ...

или :

Изъ-за моря моря сняго...

или :

Изъ-за горъ-то горъ высокихъ,
Изъ-за лѣсушковъ дремучихъ...

и др.

Впрочемъ и *зачинъ* сохранился не во всѣхъ былинахъ, но такія былины въ большинствѣ случаевъ или записаны

отъ плохихъ сказителей, или представляютъ отдѣльное похождение какого-нибудь богатыря, извѣстнаго нѣсколькими подвигами, такъ что составляютъ какъ бы часть, отторгнутую отъ цѣлаго.

Былины нерѣдко заканчиваются особымъ заключеніемъ, напр.:

Синему морю на тишину,
Всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Помимо стереотипныхъ заголовъ, зачиновъ и заключеній изъ эпическихъ приемовъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе *общія мѣста* нашего былевого эпоса.

Такъ называются такія описанія, которыя почти цѣликомъ встрѣчаются во многихъ былинахъ на соотвѣтственномъ мѣстѣ.

Если, напр., кто-нибудь собирается выѣзжать изъ родительскаго дома, то обыкновенно просить благословенія у родителей, чаще у матушки, въ такихъ словахъ:

«Ты родитель, моя матушка,
Дай прощеньице съ благословеньицемъ
Ѣхать мнѣ къ» (такому-то городу)...

Скачки богатыря въ былинахъ изображаются такими красками:

Скакаль онъ выше лѣсу стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Съ горы на гору перескакиваль,
Рѣки-озера перескакиваль,
Широки раздолья (мелки рѣки) промежь ногъ
пуцаль...

По ходу былины требуется описать появленіе богатыря въ палатахъ бѣлокаменныхъ у князя Владимира и для этого найдется разъ навсегда выработанная картина-описаніе:

Заходитъ онъ въ палаты бѣлокаменная,
Крестъ кладеть да по писанному,
Поклонъ ведеть да по ученому.

Если нужно изобразить угощенье «встпушкой сахарной и питьями медвянами», то для этого уже есть готовая форма: при поднесеніи чары въ полтора или полтретья ведра, молодець

Скоро встаетъ на ножки рѣзвыя,
Беретъ чарочку да во бѣлы руки.
Поднимаетъ ее одною рукой,
Испиваетъ-то ее единымъ духомъ...

Такія же формы выработаны въ былинахъ и для описанія процесса сѣдланія коня, снаряженія корабля и пр.

Общія мѣста нерѣдко являются чрезвычайно древними, указывающими на южно-русскую родину былинь.

Въ нихъ говорится и о «сырыхъ дубахъ», и о «ковыль-травѣ», и о «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой былинной сцены. Это такіе же остатки сѣдой старины, какъ и образъ «гниѣдого тура», давно исчезнувшаго, или обликъ богатыря со шлемомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Дубъ совершенно не знакомъ жителю заонежья. Не имѣетъ онъ ни малѣйшаго понятія и о «раздольѣ чистомъ полѣ» и о «ковыль-травѣ», ибо его поле, маленькое, усѣянное камнемъ и пнями, окружено лѣсомъ или трясинной, по которымъ не проскачешь на конѣ; тѣмъ не менѣе крестьянинъ поетъ про все это, какъ будто онъ живетъ на Украинѣ.

Перенимая другъ отъ друга былины, современные сказители запоминаютъ главнымъ образомъ эти общія мѣста и еще, такъ называемыя, мѣста *типическія* — это рѣчи, влагаемая въ уста героевъ.

Они очень важны, потому что характеризуютъ героевъ, даютъ духовный обликъ того или другого дѣйствующаго лица.

Что же касается внѣшнихъ подробностей сюжета, то пѣвцу могли подслужиться готовые шаблонныя подробности эпического разказа. Значитъ, здѣсь открывалась большая или меньшая свобода для субъективнаго творчества пѣвца. И дѣйствительно у всѣхъ пѣвцовъ, не исключая и такихъ, которые поютъ часто и выработали болѣе *постоянный* текстъ,

замѣчаются въ этомъ отношеніи отступленія: заставьте пропѣть былину два раза къ ряду и вы поразитесь разницей въ текстѣ, кромѣ общихъ и типическихъ мѣстъ.

При просмотрѣ нашего былиннаго репертуара открывается еще особый приемъ — *этические повторенія*.

Этотъ приемъ постоянно встрѣчается въ былинахъ. Онъ заключается въ томъ, что извѣстное сочетаніе словъ въ одной и той же былинѣ повторяется нѣсколько разъ.

Напр., описавъ пиръ у Садки, такими чертами:

Всѣ на пиру наѣдались,
Всѣ на пиру напивались,
Похвальбамы всѣ похвалялись...

сказитель почти буквально все это повторяетъ, влагая въ уста «настоятелей новгородскихъ»:

Всѣ мы на пиру наѣдались,
Всѣ мы на почестномъ напивались,
Похвальбамы всѣ похвалялись...

Въ былинахъ часто употребляются *постоянные эпитеты*. Такъ называются разъ навсегда составленныя опредѣленія, отмѣчающія въ предметѣ такую черту, которая представляется наиболѣе характерной. Эти эпитеты *постоянно* сопровождаютъ извѣстные предметы. Напр., *калена* стрѣла, *тугой* лукъ, *желты* кудри, дружина *хоробрая* и т. п.

Подчеркивая ту или другую черту въ предметахъ, эпитеты освѣщаютъ ихъ извѣстнымъ образомъ, поясняютъ. Но бывають случаи, когда они кажутся намъ неумѣстными. Напр., князь Владимиръ постоянно называется «ласковымъ», хотя иногда онъ поступаетъ очень неласково. Такъ «ласковый» князь Владимиръ велѣлъ посадить Илью Муромца въ глубокой погребъ и «поморить смертью голодною». Точно также со дня рожденія своего Илья Муромецъ всегда въ былинахъ называется *старымъ*, а Добрыня Никитичъ *молодымъ* зовется и тогда, когда прослужилъ у Владимира въ разныхъ должностяхъ лѣтъ двѣнадцать и пр.

Калинь царь, отправляя своего посла въ Кіевъ, говорить ему: